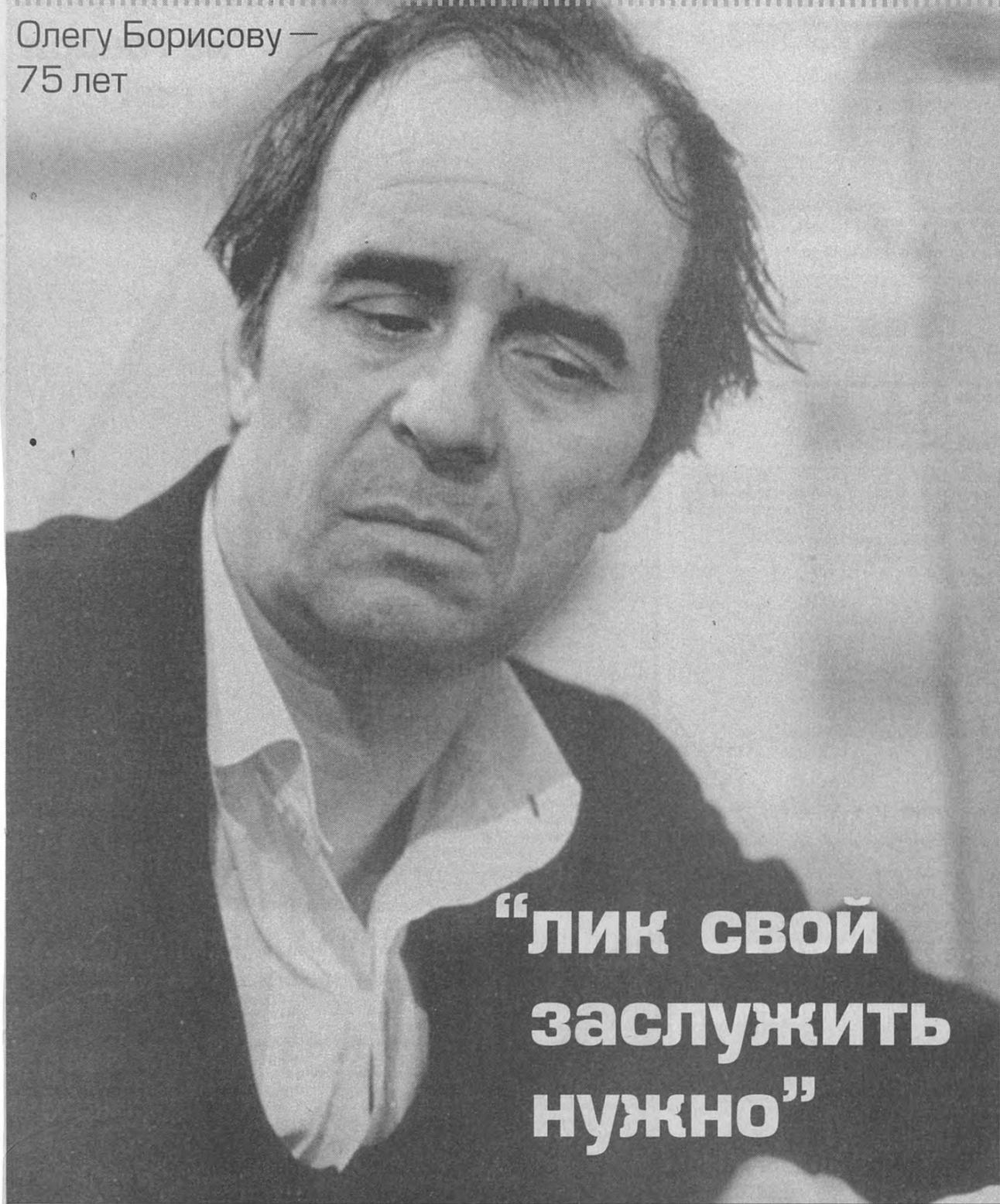

«Может ли глупый человек играть умного, рядовой — гения? Ведь может же злой — доброго (или не может?). А где вы вообще видели умных артистов? Их было-то за историю театра...»

Из дневников Олега Борисова

Олегу Борисову — 75 лет

“ЛИК СВОЙ ЗАСЛУЖИТЬ НУЖНО”

Олег Борисов на репетиции спектакля Льва Додина «Кроткая» во МХАТ

«01 СТР

Потом кто-то из ребят — заметьте, не я! — сказал, что это, мол, все чепуха и занудство, то ли дело Школа-студия Художественного театра, вот там-то и в самом деле будет интересно. И мы с приятелем убежали в Камергерский сдавать экзамены. Конечно, готовились. Приятеля «зарубают» категорически, а я прохожу. Вот я и думаю: может, родине в качестве япониста пригодился бы больше?

Как это непросто: привести к единому знаменателю, заставить говорить на одном языке. Чувства, эмоции все равно выпирают, и еще самолюбование, глупость. Может ли глупый человек играть умного, рядовой — гения? Ведь может же злой — доброго (или не может?). А где вы вообще видели умных артистов? Их было-то за историю театра... Как сделать, чтобы эмоции были под контролем, а спектакль, хотя бы отдельные сцены, стал явлением жизни? Чтобы пришли к тебе философ, ученый, поэт — просто горстка умных людей и увиденное подтолкнуло бы к творчеству, к какому-нибудь открытию... Нет, не интеллектуальное поприще.

Виктор Платоныч (писатель Виктор Некрасов. — **Газета**) повторял изречение Гауди: «Архитектура не должна придерживаться своего времени». Даже если я скажу: «И актер не должен», все равно будет неправда. Актер — в плену у времени, актер — отражение той жизни, реальности, в которой живет. Только и всего. И плохой актер, и замечательный. Если твои фильмы продержатся хотя бы лет десять-пятнадцать, их можно уже сравнивать с примитивной архитектурой. Это такие панельные до-

мики в спальнях районах.

После войны жили впроголодь. Били пионеров из лагеря за то, что они сыты и хорошо одеты. Сами, конечно, хотели одеться получше — парни уже были, носили брюки клеш и клинья специальные вставляли, аккуратно подшивали белые воротнички. Зимой ходили в ботиночках — все в валенках, а мы в ботиночках, — носили «прохорья», это сапоги такие с мягким голенищем. Помню, как первый раз я напился пьяным, на руках домой принесли... Моя это жизнь была, мо-я.

«Нужно, чтобы душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова» — так только Ф.М. (Федор Михайлович Достоевский. — **Газета**) мог сказать. Лик свой заслужить нужно, а не получить от природы авансом, наградой. А если уж получил, то пронести его с честью, достоинством (как Смоктуновский, которого так Бог вылепил, изваял, что можно вообще ничего не делать и не играть). Лик — это результат: или работы, или безделья. Или присутствия, или отсутствия. Но лик — это и начало, отправная точка... (сравнить портреты, фотографии Достоевского, Толстого, Хемингуэя, Одена... На них все отражено).

Репетиционный процесс — чередование режиссерского внушения и самовнушения. Режиссер внушает — и тебя охватывает озноб, выворачивает либо нет. Начинается жар, постукивание в висках или... весь безучастный. На репетициях Товстоногова колени тряслись — защитная реакция. А от Додина что-то вроде тахикардии... А дальше... хорошо, если автор возникает, если под его гипноз попадешь. Это редко,

конечно, в случае особой близости. В конце концов, ты же его мысли проводишь. Когда «Нос» снимали, то Гоголь мерещился: очень узнаваемый, грозный, ужасно неприступный. Я его отгонял, отгонял — пока провалом не кончилось.

Л.А. (режиссер Малого драматического театра Лев Абрамович Додин. — **Газета**) хорошо говорил: «Олег, надо выйти из цепи! Разорвать цепь воплощений. Сам Достоевский из цепи вырывался, но поэтому ему так тяжело. Он получается только тогда, когда ты не в цепи!» Но как же разорвать, если ты бурлак от рождения? Да еще с Волги?

Ф.М. прав: только люди, пораженные одинаковым недугом, понимают друг друга. Мы с Л.А. хорошо понимаем, мне кажется. Только кто поставит диагноз? Неужели зрители? Неужели врачи?

Додин говорит мне: «Там часы висят на стене, и они мешают тебе, ты не можешь собрать мысли, а часы делают тик-так, тик-так...» Вот мы репетируем, а режиссер костяшками пальцев об стол изображает ритмичное «тиканье». И родилось, что я взлетел на шкаф и остановил часы. Это родилось из репетиции. Потом мне это запретили, и каждый раз я взлетал на шкаф и останавливал часы, потому что не мог слышать этого метронома! Я был так «направлен», что родилось действие. Оно бессознательно родилось, но, как сказать, может быть, и сознательно, потому что психика была настолько обострена и все нервы и душа были оголены, что мне подсказали ноги мои, что надо взлететь и остановить часы. Ну вскочил: а спроси меня, как я вскочил, какая нога первая

на стул вступила — я этого не знаю! Потом я стал задумываться и однажды чуть не свалился, потому что такие вещи решает психика вместе с организмом: правая нога на стул, левая — на стол, там у секретера открыта дверца — туда, а потом вскарабкался на шкаф и уже только там очнулся. А Додин кричит: «Гениально!» Это родилось. Но к тому сначала надо было «газ подвести» (яму выкопать, чтобы зимой не замерзло, трубу отводную проложить, грунтом закрыть), а потом — обо всем забыть.

Смоктуновский говорил о себе: я бескорыстный притворщик. Сказано обо всех нас, актерах. Но это так и не так. Когда он в «Идиоте» или в «Головлевых», он не совсем притворщик. Он есть сам Головлев, а ведь за такую идентичность, за такое вживание надо платить. Я сам заплатил много за «Кроткую» — годами своими, энергией, здоровьем близких. Какая уж тут корысть... Бескорыстники не скоро появятся после Луспекаева, Смоктуновского, Романова (артист Киевского театра им. Леси Украинки Михаил Романов. — **Газета**). Может быть, и Борисова... Маленько обождать надо.

Каждому артисту нужно пройти через немое кино. То есть кино без слов. Оно же было для чего-то. Это даст совершенно новое состояние и свободу, откроет второе дно. Образец: Жан Габен, молчаливый. Можно же договориться с режиссером и помарать текст — как я в «Единственном свидетеле». Добавлю: и каждому человеку «немое кино» какое-то время бывает полезно. Даже писателю — помолчать.

Учу Тютчева в пять утра, за окном жаворонок что-то поет или читает стихок. Как бы перед ним не сфальшивить... ведь он — первый ангел в жизни. Все философское у Тютчева, все «майско-грозовое» («Люблю грозу...») во мне живет, откликается. Как только политика, Тютчев — дипломат или цензор, жаворонок замолкает. Скоро придут рабочие класть крышу. Сегодня должны закончить. Учу тютчевское «Я очи знал...». Вот, оказывается, у кого Гаврилин подслушал эту мелодию — у жаворонка. Но это только в пять утра можно.

Трезвонят о демократии. Ужас. Вот и наш депутат с куриным мозгом — все время об этом. Ему нужна демократия. Раньше кричали, что нужен империализм, кому-то — коммунизм, теперь... Это все равно, сменить мини-бикини на макси, клеш — на дудочки. Я как профессионал знаю: демократия губительна, невозможна. Как невозможна была бы у Товстоногова (его лозунг: «демократическая диктатура!»). Как невозможна демократия духа, веры, науки... а демократия рынка — сколько хочешь, пожалуйста, заверните! Поддержка от Ф.М.: «Сколь-

ко сильных держав ни будет, будут разрушены демократией. Останется Россия». А ведь он редко ошибался...

Прошелся в этом году по двум «лестницам»: по нашей и по их, в Канне. На одной — аристократ, на другой — как кур в ощиц. На каннской дорожке — достоинство, уважение своего и — о чудо! — труда партнера, «голубизна» и высокая продажность профессии. На нашей: междусобойчик, обесцененность — как на городском пляже, когда одна отдыхающая делает замечание другой: «Милая, у вас вся ж... в песке!» (подлинный случай из жизни съемочной группы в Одессе).

Почему у слов «карьер» и «карьер» один корень? Кто преуспевает в карьере, попадает непременно в карьер? Вопрос только: с места или дадут ненадолго почить на лаврах?

Вспомнил один тост от Гоги (прозвище Георгия Товстоногова. — **Газета**): «За то, чтобы двигать недвижимое, а движимое пусть дураки двигают!» В «Варварах», «Идиоте», «Горе от ума» он вправду двигал недвижимое — какую-то сверхсилу нашел, тайную комнату, то, что не передается словами. Я тоже старался, как мог, двигать то, что «Дуракам» не под силу: Кистерева, Достоевского, Павла... Получалось редко, зато знал, что сила эта от Товстоногова (в том числе). После его репетиций три рубашки отжимал — от волнения, страха, что не поднять — надорвусь.

Паша Луспекаев учил: «Олег, работай и обязательно в люди выйдешь!» Работая, Паша, и часто тебя вспоминаю. И в люди выхожу, но только к ним приближаюсь, и такая тоска одолевает, что разворачиваю оглобли и возвращаюсь к «своим», которые на полках. К Пушкину, Гоголю, Достоевскому — они на верхних полках, они ждут. К Лескову, Чехову — они на полках пониже. И умереть хочу поближе к «своим» — чтобы схоронили на даче, возле Ванечки (собака Олега Борисова. — **Газета**). Если бы получить на это разрешение! Ведь можно же было Илье Ефимовичу Репину.

На репетиции «Вишневого сада» идет разбор Л. Додина. Жду. Сейчас он меня приложит. Откуда это ожидание? Всего от него бояться: и битья, и бритья, и горячего укропа. И я бы хотел, чтобы поостроже. Но он меня пока бережет, замечаний почти нет. Неужели я такой старый, Л.А.? Ему бы тоже себя побережь. Кто-то бережет себя и разрушает театр, а он бережет театр, дело и разрушает себя (неизбежно).

Показывают похороны Жени Леонова, а до этого — Евстигнеева. «Скучно жить на этом свете, господа!» Интересно, кто следующий.

Алла и Олег Борисовы на съемках фильма Владимира Венгерова «Балтийское небо»